

Глава 1. Гори в аду, подонок! Гори в аду, идеальный образ!

Да пошло оно к чёрту, это «смирение»! Чтоб этим мерзким геем не видать своего угла как ушей!

Цзянь Аньжань потёр воспалённые от усталости глаза. Он только что дочитал «Горного ребёнка, избалованного до небес всей семьёй своего мужа» — роман, позиционировавшийся как трогательная сладкая история о паре, созданной самой судьбой, — и теперь жаждал пролезть через интернет-кабель прямо к автору, чтобы устроить ему встречу в реальной жизни. Последние три главы оказались такой отборной помойкой, что хотелось материться на весь район.

Это же типичная история о предателях и подонках!

И ведь автор намеренно выбрал повествование от первого лица!

Итак: «Я» — нищий деревенский парень из горной глуши, родители умерли, учился блестяще и с трудом дотянул до выпускного на гроши чужой доброты.

«Я» получил уведомление о зачислении в университет и уже трясся от страха, что не наскребёт денег на учёбу.

И тут как с неба свалился Ци Сяопин — единственный сын застройщика из того самого города, где находился университет. Спонсировал «меня», опекал, баловал. Деревенский проstack, сроду не выдавший такой заботы, быстро утонул в нежности Ци Сяопина.

Однажды тот привёл «меня» в бар — «набираться жизненного опыта».

Потерявший бдительность «я» по неосторожности выпил коктейль со снотворным, переспал с Ци Сяопином, а потом обнаружил, что принадлежит к тому редкому мужскому типу, способному забеременеть.

Поскольку ребёнок был от Ци Сяопина — человека, которому «я» был обязан и который так искренне заботился обо мне, — наивный дурачок «я» покорно принял свою судьбу. По предложению Ци Сяопина взял академический отпуск, жил под неусыпной опекой всей семьи Ци, расписался с ним, выносил и родил ребёнка...

Как незамысловатый сладкий роман, «Горный ребёнок» держался в этом режиме добрых сто с лишним глав — все вокруг уже были уверены, что сладость продержится до финала. И тут автор в последних трёх главах выдал сюжетный кульбит уровня американских горок!

Выяснилось, что «я» с самого начала был лишь заменителем. Истинной любовью Ци Сяопина оказался Ло Нин — наглый соперник, всё это время вставлявший палки в колёса любви «меня»

и Ци Сяопина.

С самого начала подонок нарочно ухаживал за «мной», чтобы выбить почву из-под ног избалованного с рождения Ло Нина — заставить его мучиться и в итоге самому пойти навстречу. И это сработало.

Ци Сяопин получил желаемое. Заменитель утратил всякую ценность.

Вскоре после рождения ребёнка «я» умер. И даже в момент смерти автор умудрился вложить в меня какое-то жалкое «просветление»:

«... Я наконец понял: моя неприязнь к Ло Нину была лишь завистью. Я завидовал тому, кто был рядом с Ци Сяопином — с кем они познакомились, поддерживали друг друга, ругались и мирились.

Теперь, зная их историю, я понимаю их любовь. Я смирился.

Я верю: Ло Нин, который не может иметь детей, будет хорошо заботиться о малыше».

Самое тошнотворное — после этой помойки автор, видно, ещё не нажравшись, написал тридцатитысячный бонусный эпилог, где во всех подробностях расписал «счастливую» жизнь Ци Сяопина, Ло Нина и малыша.

Спустя несколько лет Ци Сяопин и Ло Нин приехали с ребёнком в гости к первейшей семье города А — клану Цзян. Поскольку манеры и поведение малыша как две капли воды напоминали рано умершую дочь Цзянов, убитый горем старый господин решил взять его в приёмные внуки и завещать ему сотню миллионов.

А малыш, узнав, что с Ло Нином их не связывает кровное родство, тут же выдал своему новоявленному «папочке»: «Теперь я богаче папы — значит, когда вырасту, смогу на тебе жениться!»

Вот после ЭТОГО «я» точно бы вышиб крышку гроба ногой.

Да пошло оно к чёрту — «когда вырасту, женюсь на тебе»!

Да пошло оно к чёрту — «плачешь от умиления»!

Цзянь Аньжань кипел от ярости.

Дерьмо было настолько отборным, что он всерьёз подумывал не спать и прочёсывать главу за

главой, лепя минусы.

Чтобы было за что, он нарочно открыл раздел длинных рецензий — и в отзыве под названием «Мужчина тоже может быть женой гея» наткнулся на очередной авторский «шедевр».

Оказывается, едва опубликовав финальные главы, автор получил от читателя под ником «Кун» развёрнутую рецензию с этим самым заголовком — крик души в чистом виде. Автор ответил под ней, что готов вернуть деньги.

Но едва «Кун» оформил возврат, как тут же объявился некий «случайный прохожий» и принялся поливать его грязью: мол, нет у того ни капли совести — вздумал десятью юанями давить на творческую свободу автора! Преданные фанаты мигом подхватили: все, кому не понравился финал, кто считает концовку помойкой, — избалованные принцессы, которые в жизни горя не видели и не терпят ни капли жизненной правды. Такие же, мол, как те, кто после расставания требует назад деньги, — эмоциональные мошенники и корыстные подонки.

Вот тебе и «жизненная правда»!

Продавать собаку под видом оленя — и ещё быть правым!

Цзянь Аньжань всё больше закипал, но время было уже совсем позднее, поставить успел лишь несколько минусов — навалившийся сон сбил его с ног.

В полудрёме он увидел, как экран лежащего у подушки телефона полыхнул вспышкой. Световые точки собрались в луч и нырнули ему прямо в лоб.

— Наверное, я просто очень устал...

Пробормотав это, он провалился в темноту.

— Любимый~ ты такой потрясающий~ ну давай, давай...

Мужские стоны и сладкие перешёптывания перекатывались рядом, перемежаясь с лихорадочной вознёй.

Цзянь Аньжань открыл глаза — и обнаружил, что сидит на крышке унитаза в общественном туалете, тупо уставившись в пространство. Звуки любовного сражения доносились из правой кабинки.

Он поднял голову. Потолок сверкал буйством красок. Снаружи доносились мужские голоса — про выпивку, про баб, всё как положено.

Что за чёрт?

Заснул в съёмной комнате, проснулся в туалете бара?

Цзянь Аньжань сделал глубокий вдох, взял себя в руки, вышел из кабинки и подошёл к раковине. Пока мыл руки, изучал своё отражение в зеркале.

Парень лет восемнадцати-девятнадцати, с ещё сохранившейся детской пухлостью щёк. Лоб, скрытый прядями чёлки, гладкий, как молодой месяц. Персиковые глаза — большие, влажные, живые; ресницы густые и тёмные, как вороново крыло. Губы ровно той полноты, что нужно, и цвета чайной розы. Шея длинная и нежная.

Парень ещё не вырос в полную силу, но держался прямо и легко, точно молодой тополь. На нём была самая обычная белая футболка и рваные джинсы — а выглядел как персонаж манги, вышедший подышать свежим воздухом.

Кто же «я»?

Тут в кармане завибрировало.

Цзянь Аньжань вытащил телефон — дешёвка юаней в пятьсот от силы. Голосовое от «Брата Ци»: зовёт «меня» обратно в кабинку.

Брат Ци?

В полном замешательстве он нажал на профиль отправителя — и в графе «О себе» крупно значилось: «Ци Сяопин. Обычный человек, влюблённый в жизнь».

Цзянь Аньжань почувствовал, как внутри что-то похолодело.

Ци Сяопин?!

Тот самый подонок из помойного романа «Горный ребёнок был избалован до небес всей семьёй своего мужа»?!

Он открыл ленту Ци Сяопина — и знакомые, вызывающие тошноту имена посыпались одно за другим: Сунь Сюин, Ци Аньян, Ци Саньпин...

И даже Ло Нин.

Тот самый — из благородного рода, годами державший Ци Сяопина в томительном полуотдалении, купавшийся в его обожании, а в эпилоге ещё и получивший от сына «меня» обещание «когда вырасту — женюсь на тебе». Беспринципный любовник на стороне!

Неужели... я провалился в роман «Горный ребёнок был избалован до небес всей семьёй своего мужа»?!

Сердце сжалось.

Он вспоминал сюжет. Сегодняшний вечер — по всей видимости, тот самый ключевой момент, когда Ци Сяопин должен подсыпать что-то в выпивку!

Вспомнив о печальной судьбе «меня» в романе, Цзянь Аньжань стиснул кулаки.

Прежний «я» — наивный простак, которого подонок водил за нос, — исчез. Нынешний «я» не собирается добровольно лезть в ту же ловушку.

Глубокий вдох — и он вышел из туалета в пронизанный развратными огнями зал бара.

Ци Сяопин был завсегдатаем бара «Виктория». Цзянь Аньжань остановил первого попавшегося официанта и без труда выяснил номер кабинки.

По фотографиям в ленте мерзавца он знал, как тот выглядит, — и, войдя, сразу нашёл его взглядом: мужчина в глубине дивана.

Чуть за двадцать. Лицо без особого изящества, но в целом приятное; в глазах — не по годам хитрый блеск; манеры слегка замасленные; всё на нём — сплошные люксовые бренды.

Намеренно расчистив место рядом с собой, Ци Сяопин держался в стороне от шумной компании: его приятели то тискали девочек в мини-юбках, то пили вперемешку с парнями в прозрачных рубашках. Только Ци Сяопин сидел один — ждал.

— Иди сюда...

Заметив Цзянь Аньжана, он поманил его к себе.

— Брат Ци, что-то голова кружится, — сказал тот, изображая недомогание. — Хочу пораньше

уйти.

— Голова кружится? Дай посмотрю.

Ци Сяопин с видом записного соблазнителя шагнул вперёд и потянулся потрогать его лоб.

Цзянь Аньжань отступил назад:

— Брат Ци, завтра практика по общественным дисциплинам, я правда не могу здесь задерживаться.

— Практика, значит... — Ци Сяопин усмехнулся, обернулся, взял бокал шампанского и протянул ему: — Но в бар прийти и ничего не выпить — так не годится. Выпей, и я отвезу тебя в общежитие.

Цзянь Аньжань внутренне напрягся.

В полумраке кабинки невозможно было разглядеть, что именно в бокале. Зато одно было очевидно: пузырьков в этом шампанском было подозрительно много — ненормально много.

Туда что-то подмешали. Выпьешь — попался.

— Не хочешь пить?

Ци Сяопин поторопил его.

Компания тут же подхватила:

— Лао Ци, совсем ты своего братишку разбаловал — в бар пришёл и даже шампанское не пьёт!

—... Я ему не братишка, — уточнил Цзянь Аньжань.

— Мы братья, — не растерялся Ци Сяопин. — Просто не родные.

— Неважно! Раз не он, то ты пьёшь целую кружку! Вы же братья как-никак!

Выполняя негласный приказ Ци Сяопина, приятели нагнетали давление и уже тащили здоровенную кружку пива.

Они были абсолютно уверены: прежний «я», вечно бегавший за Ци Сяопином хвостом, без малейших колебаний выпьет сам — лишь бы выручить его.

Но сейчас перед ними стоял Цзянь Аньжань.

Он мельком глянул на пенящееся через край пиво, потом — на всё ещё аномально пузырящееся шампанское и спокойно произнёс:

— Брат Ци, я только что в туалете выпил две таблетки от простуды...

Всем известно: смешивать жаропонижающее с алкоголем — значит гробить печень. В тяжёлых случаях — смерть.

Ци Сяопин завис.

Компания застыла.

Цзянь Аньжань с невинным видом кивнул на стол:

— Брат Сунь, тогда это пиво, может, вы...

— Ладно, проигравший платит — сам пью!

Ци Сяопин неловко усмехнулся и осушил кружку до дна. Подхватил куртку:

— Идём, отвезу тебя.

—... Брат Ци, ты только что столько выпил! Нельзя же за руль!

Цзянь Аньжань с преувеличенной заботой потянулся к нему — и ловко прибрал ключи от его спортивного автомобиля. Тут же поймал первого попавшегося бармена, попросил найти трезвого водителя и отправить Ци Сяопина домой на его же машине.

Сам же он вышел на улицу и открыл приложение вызова такси.

И тут телефон завибрировал снова.

Цзянь Аньжань взглянул на экран. Ло Нин — бесподобная белая лотосина-манипуляторша собственной персоной.

Ло Нин: Ци Сяопин с тобой? Когда вернётся?

<http://bllate.org/book/17539/1700192>